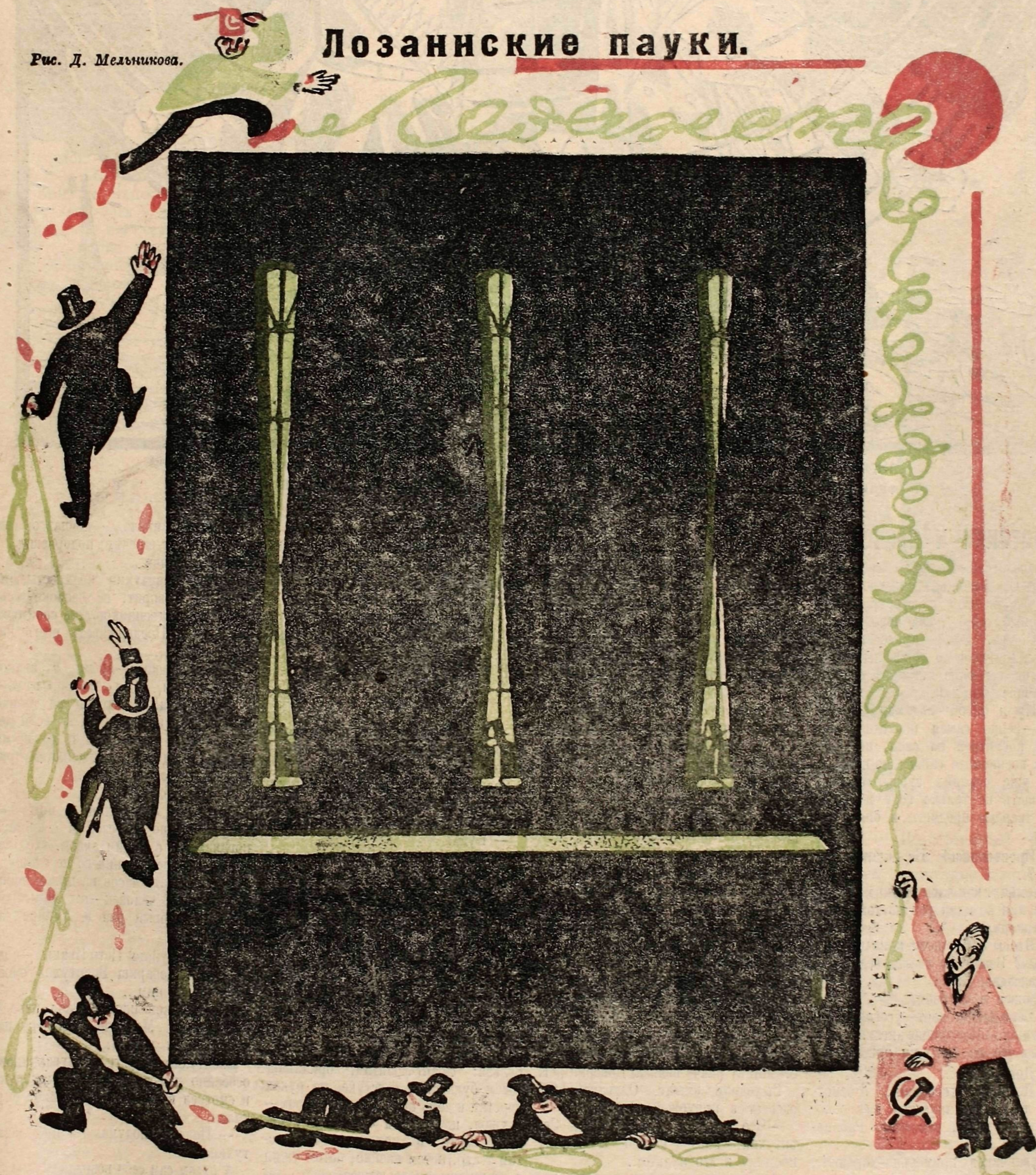

КРОКОДИЛ

Рис. Д. Мельникова.

Лозаннские пауки.

«Лозаннские пауки прожорливы и ядовиты. Они ставят сети целым народам. Тех, кто пытается порвать их паутину, лозаннские пауки жалят из-за угла. Их ядовитые укусы бывают смертельны. Их дают, наступив крепким пролетарским каблуком прямо на голову».

(Из „Жизни дипломатов“ Брема).

АНГЛИЯ:—Смотри! Оставь меня в покое!

ФРАНЦИЯ:—Молчи! А то нанну бока!

АНГЛИЯ:—Я опущусь на дно морское!!

ФРАНЦИЯ:—Я полечу за облаками!!

Ботинки и прочее.

Председатель Волкомвойстреста товарищ Одуванчиков, недавно переведенный в трест с культурно-агитационной работы, как человек, могущий дать отпор присосавшимся спесам, проходя по Кузнецкому Мосту увидел в окне магазина великоденнейшие ботинки.

— Ну и фасон—подумал Одуванчиков—верно самая последняя мода! и посмотрел на свои, полученные в военкомате сапоги, из которых один уже оскалил зубы, готовясь поглощать не только воду и грязь, но и твердые предметы, и опять подумал:

— Пронеслись! Не купить ли новые?..

Вспомнил, как член правления спец Завитухин не один раз по товарищески говорил:

— Чтобы вам сапоги купить, Петр Иванович? Взяли бы аванс, ведь вы—председатель!

И вошел в магазин.

— Первейший сорт—уговаривал приказчик.—Настоящие английские... Только что из Америки присланы...

— Дорогонько...

— Дешевка, господин... Посмотрите товар—французское шевро... Видите—и марка немецкая: Рабинович, Вена...

Одуванчиков примерил—хороши!..

Появление Одуванчикова на службе в новых ботинках произвело фурор

— Наконец!—радовался Завитухин.—И у меня таких нет! Только...

— Что только?..—испугался Завитухин.

— Только у вас костюм к этим ботинкам не подходит...

Посмотрел Одуванчиков на свои брюки и полученный в том же военкомате френч—и сам понял: не подходит!

— К этим ботинкам вот какой костюм надо—начал Завитухин—и так расписал этот костюм, что Одуванчиков убедился окончательно в невозможности носить какой-либо другой.

— Да у меня денег не хватит...

— Ничего! Возьмите из аванса—потом пополните. Сдаться ведь один раз—не каждый день...

— Не могу из аванса...

— Ну так я вам на время одолжу... Только смотрите—по курсу...

Пришлось согласиться. Завитухин, выдавая Одуванчикову деньги, переглянулся с секретарем:

— Ключуло!

Секретарь показал, что он понял. Через неделю Одуванчиков пришел в трест разодетый.

— Как посланник!—восхищался Завитухин.—Да что говорить—хозяйственнику иначе нельзя! Доверия нет!

Выходили вместе. Одуванчиков одевает в прихожей пальто.

—Что это у вас!—возмутился Завитухин:—Разве можно к такому костюму и это пальто!..

Одуванчиков ни слова не возразил, только со страхом прошептал:

— Нельзя!..

И Завитухин больше ни слова не сказал. Думал Одуванчиков день, думал два,—но, как ни вертел, все выходило, что надо новое пальто.

— Опять у Завитухина одолжаться? Неловко... Не взять ли из аванса?..

И взял из аванса.

— Угостить надо с обновкой-то—встретил Одуванчикова Завитухин.—Нельзя не угостить...

Сели в автомобиль. При Завитухине какой-то молодой человек, которого Завитухин называет товарищем.

— Куда?

— Я думаю в «Амфир»—сказал Завитухин.

— Дорого в «Амфире»... отговаривался Одуванчиков.

— Что вы? Что вы? Председатель треста и в каком то трактуре... Ведь мы с заграницей дела налаживаем... Что Англия скажет... А Америка? И притом в вашем костюме—только в «Амфир»!

Поехали в Амфир.

Через неделю Одуванчикова узнать нельзя: фронт-франтом, бриллиантовая булавка в галстук, на руках перстни и день проводит так: утром—служба, потом обед в Амфире с поставщиками и покупателями, потом театр, потом казино, потом ужин с девицами самого несообразного чина-звания.

— Нельзя иначе...—утешал он сам себя. Иначе кредит подорвешь... Потом Америка...

А тут Завитухин подхлестывает! — Вы, говорит, не беспокойтесь, у нас хозяйственников есть свои обязанности... Поддерживать честь нашего треста...

Месяц прошел—время в авансе отчитываться. Сел подсчитывать—и ужаснулся! Издержки не только жалованьем не покрыть, но если десять таких жалований и со всеми процентными вознаграждениями прибавить—и то не хватит!

— Что делать?

В тресте Завитухин с ним был преувеличенно любезен и секретарь поглядывал с таким видом, что, дескать, все знаю, а ничего не скажу...

В двенадцать часов на прием явился молодой человек—тот самый, с которым первый раз в Амфире закусывали.

— Пожалуйста, Петр Иванович—подпишите... Товарищ Завитухин одобрил... Мы с ним...

Одуванчиков повял. Взял перо и подмахнул. Молодой человек поклонился и вышел...

Завитухин встретил Одуванчикова особенно любезно, крепко жал руку и смотрел в глаза. Одуванчиков смутился:

— Подлец—подумал он про Завитухина.

А потом сам себе возразил:

— А ты чем лучше?.. М. Н. Обнин

Организируются особые комиссии, которые будут работать среди детей улицы. На площадях, рынках с ними будут вестись соответствующие беседы. Цель — отвлечь детей от интересов улицы, показать им другую сторону жизни...

«Рабочая Москва».

Рабочим и служащим Юзовского Комбината выдавали отрезки на пальто, костюмы и белье. Всем спецам костюмное сукно выдавали по 40 р. аршин, а с рабочих за это же сукно брали по 90 р. аршин.
„Рабочая газета“.

Комиссия уселась посреди площади...

Председатель сделал мановение рукой... В ту же секунду к нему бросились со всех сторон мальчишки с криками:

— Вот у меня «Амбир» рассыпной есть! «Ира», «Ява» в пачках!..

— Ирис сладкий есть!.. На лимон—четыре!..

— Ни папирос, ни конфет нам не надо...—строго остановил их председатель.— Нам... вы сами нужны.

Услыша это, некоторые из папиросников бросились было на утек...

— Куда вы, куда вы?..— остановила их комиссия.— Вы не подумайте, что мы арестовать вас хотим... Мы просто поговорить с вами хотим. Позовите остальных...

— Эй, «Воробей», «Хромой»... «Колчак»!.. — начал звать один мальчишка остальных.— Да иди, не бойся. Балда!

Когда все собрались, председатель начал правоучительную беседу.

— Дети... Бродяжничать и попрошайничать—нехорошо!— сказал он строго, подняв палец.

— Понятно. Чего хорошего?—согласился один из аудитории, шмыгнув пальцем под носом.— Ходишь-ходишь, а толку чуть... То ли дело... слимонить что-нибудь.

— Что? Что это значит—«слимонить»?

— Ну вот, это всякий дурак знает!—улыбнулся мальчишка.— «Слимонить» значит—«свиснуть»... «Стибрить» тоже... А по жульнически—просто «купить».

— Фу-ты, какие вы испорченные!.. — покачал головой один из членов комиссии. А другой ничего не сказал, только рукой махнул...

— Вот видите, среди вас попадаются даже с воровскими наклонностями...—с упреком сказал председатель.— А это— вдвое хуже, более того—в десять раз хуже, чем нищенствовать... Но дело в том, дети, что и торговать вам—тоже нехорошо...

— Чего?..—словно злой зверек, окрылся один папиросник.—И торговать нехорошо!.. А жрать-то надо?..

Рабский: — Почему же нам не выдают костюм в подешевле?

Спец: — Вы люди рабочие, вы на костюм себе заработаете. Не то, что мы, спецы!

— А мы вам скажем, куда обратиться, и вас накормят...

— Ну да, накормят!..—недоверчиво заметил другой.— Знаем мы, как там кормят. Вон «Колчак» и двух недель там не пробыл, сбежал...

— Да и чего там антиреспектного?.. Тут настреляешь в день четвертных три, а то и сотнягу, вот и на все хватит: и обед замечательный съешь, и «Индийские гробницы» посмотришь.

— Кинематограф мы вам тоже будем показывать...—попробовал урезонить его один из членов комиссии.

— Ну да! Знаем мы!.. Горе, а не кинематограф!.. На

кой нам ваша «Добыча каменного кокса»?.. Вы нам сыщиков американских подайте. Бандитов... Львов... А не «пчел»!

— Гм... Нет, я вижу, вы неисправимы...

— «Рыжий», пойдём!..—схватил за плечо торговец курительной бумагой ирисника.— Ну, что-то про исправление заговорили... К «Рукавишникову» не заправили бы...

— Чего доброго!.. Знаем мы этих антилигентов...

— Дети, надо слушаться нас, взрослых,—угрожал, еще не теряя надежды, председатель.—Здесь мы вам знаем добра...

— Да, «бобра»!—передразнил один мальчишка и крикнул командирским тоном:— Айда, огольцы!.. Нечего здесь попусту трепаться... «Чирий», пойдём! Довольно возля «комиссаров» тереться!..

Когда ватага разошлась, один из членов комиссии обнаружил у себя исчезновение часов, другой член—исчезновение бумажника, а у председателя улетучилось и то и другое...

Аргус.

Не на то попал.

«У Англии, видите ли, мало морей и океанов, и она ловит рыбу в мутной воде вблизи наших берегов».

Из речи тов. Троцкого на 4-м моск. губ. съезде текстильщиков.

Рис. М. Черемных.

Англичанин-рыболов: — Хотел поймать рыбу, да в этой мутной воде ни чорта не видно... А у них вместо рыбы там раки кусачие!..

Печальный доклад.

Товарищ Истомин—видный партийный и советский работник, заехал в городок Красноперов. В городке приезд известного губернского гостя произвел целую сенсацию. После официальных собраний, совещаний, комиссий и заседаний,—Истомину упростили прочесть в местном театре лекцию-доклад для всех граждан. Истомин нехотя согласился,—нужно было задерживаться еще на два дня.

И заперся у себя в гостиннице...

По городу заперестрели, замелькали афиши:

КОНЦЕРТ-МИТИНГ.

I.

С. С. С. Р. на мировой арене.

С. С. С. Р. и Нэп.

доклад тов. Истомина.

II.

АРТИСТЫ СРЕДИ ПУБЛИКИ.

Номера и номерули!!!

Беспрерывное веселье. Публику со смеха просят со стульев не падать!!!

ДВА ОРКЕСТРА ВОЕННОЙ МУЗЫКИ!!!

Гостинные розовая и голубая, где, тихо и плавно насыпая, гости почуют до утра.

Это еще не все: сюрпризы впереди!

Вой конфетти и серпантин! Адская почта!

Бал и прочая ерунда будет продолжаться до ? часов ночи.

Чистый сбор поступит в Последгол.

Если бы тов. Истомин видел афиши, у него стали бы дыбом волосы. Но он их не видал и добросовестно готовился в своем номере к обстоятельному докладу.

Наконец, день доклада наступил. За Истоминным прислали лучший из трех городских автомобилей. Но Истомин отказался ехать в автомобиле по трем причинам: во-первых, было еще рано, во-вторых, театр помещался против гостинницы, в третьих Истомину надо было еще раз проглядеть доклад и положить последние штрихи.

Вот почему Истомин сказал:

— Благодарю, я приду пешком, не беспокойтесь!

Перед театром была давка: казалось, весь Красноперов со всеми цотрохами собрался здесь, чтобы топтаться и клокотать на месте.

Но красноперовцы решили блеснуть перед губерньским гостем порядком и организованностью. К театру была стянута вся милиция, часть гарнизона и пожарная команда. Чтобы попасть в театр надо было пройти через три цепи охраняющих. В самом театре стояло четыре контролера. И горе было тому, кто думал проскочить в театр без билета.

У Истомина билета не было. И когда он за четверть часа до начала доклада вышел из гостинницы,—он носом к носу столкнулся с первым рядом охранителей:

— Гражданин куда?

— В театр!

— А билет есть?

— Нет! Но я...

— Осади назад! Осади, тебе говорят!!

— Да я...

— Что ж ты русского языка не понимаешь!!!

Гражданин начальник, вот они порядок нарушают!

Начальник милиции на крепком, норвистом коне чуть не подмял под себя Истомина:

— В чем дело гражданин? Почему вы не подчиняетесь распоряжениям власти?

— Видите—ли, тут вышло недоразумение. Я—Истомин, понимаете. Ис-то-мин!

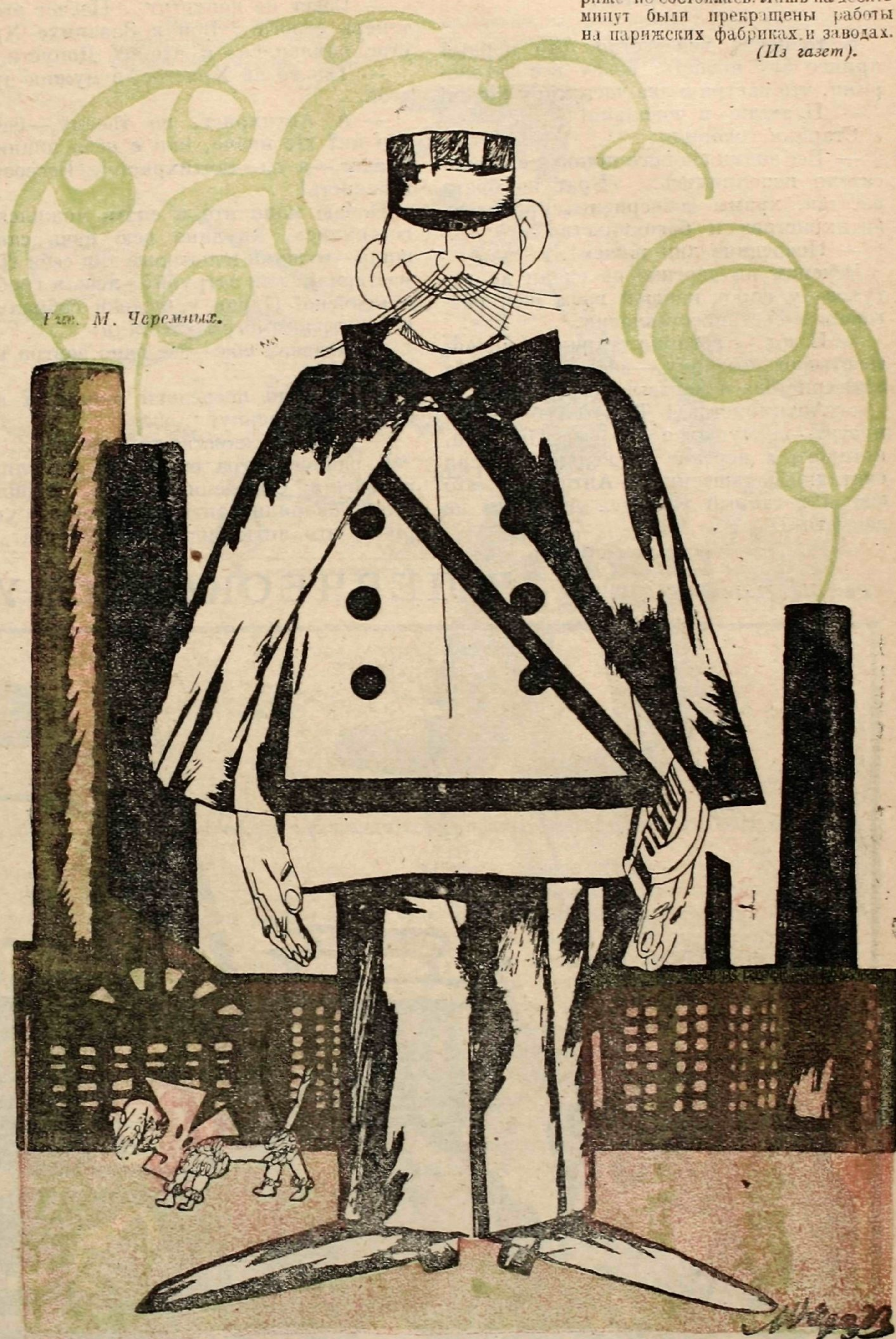
— Ну?

— Я сегодня читаю доклад в театре... Участвую, понимаете.

— Много вас таких участвующих! Пропуск есть? Все артисты должны иметь соответствующий пропуск!

ПЕРВОЕ МАЯ В ПАРИЖЕ.

Первого мая демонстрация в Париже не состоялась. Лишь на десять минут были прекращены работы на парижских фабриках и заводах. (Из газет).

В этом году—не то, что в прошлом!.. Тихо. Ну, а в будущем мы и совсем их отулим праздновать.

— Да я не артист. Я докладчик Истомин.

— Будь вы хоть разпростомин! Если нет пропуска не пуцу. Не устраивайте скандала!

Время шло...

Истомин рассвирепел:

— Ну, вызовите по крайней мере кого-нибудь из театра! Председателя Совета или еще кого-нибудь! Это же черт знает что такое! Голова у вас на плечах, или кочан канусты! Я прошу, наконец я требую!!!

Начальник милиции побагровел. Отъехал, посоветовался с брандмейстером, и вдруг два дюжих милицейских подхватили Истомина под руки и повлекли прочь от театра.

И вдруг в катящейся навстречу пролетке Истомин увидел знакомое лицо:

— Товарищ Досекин! Товарищ Досекин!—закричал он диким голосом.

Пролетка остановилась. Милиционеры взяли под козырек.

— В... в... чем дело, тов. Истомин?!

И Истомин, ругаясь и чуть ли не плача, рассказал все.

Досекин весь превратился в сплошное извинение и сожаление. Уговаривал, увещевал, просил, молил, клялся, каялся, извинялся.

Глянули на часы. Доклад опаздывал на полтора часа...

Когда Истомин в сопровождении Досекина наконец вошел в театр—там гремели военные оркестры, и в зрительном зале какой-то вихрастый молодой гражданин сваливал в кучу стулья, крича пронзительным голосом:

— Танцы, танцы! Мосье, агаже во дам!

— Танцы! Убирайте стулья! Вас. Лебедев.

КОНЕЦ СВЕТА.

КАРТИНКА.

В точности неизвестно, кто первый принес эту новость: сразу все заговорили, что завтра в два часа миру конец! — Пожили—и довольно!

Старики говорили:

— Все знаки скорого пришествия спасителя исполнились... Брат на брата восстал, храмы осквернены, проповедь антихристовая и богохульство...

— Последние дни живем!..

Вечером на деревне не спали до петухов—у ворот каждой избы шел разговор о светопреставлении.

— И вот — говорил старик Ермолай, свертывая цыгарку,—вострубит труба антихристовая и мертвые восстанут....

— Антихристовая! Так-то тебе и допустят—возмущался его сын Николай, которого в деревне за вольные мысли считали большевиком—Антихрист это ежели в старый режим... А нонече не допустят...

— Кто не допустит? Если божеское поущение...

— Совет не допустит... Насчет этого теперь строго... Вон в Завалихе Христос объявился—и что-ж? Допустили?

— Так то не Христос, а мужик простой...

— А Антихрист, по твоему,—баба, что ли? Не иначе, как с неба планида упадет,—а ты—«антихрист»!.. Бессознательность!

Ночью мало кто и спать ложился—готовились. Акулина всю ночь саваншила—мужики некоторые для себя гроб мастерили: как затрубит—лечь в гроб—и кончено! Парни у Федыки собрались и до утра самогон хлестали:

— Подавай еще—все одно завтра помирать!

Выпили до последней капли—и все к утру в стельку!

— Проспят царство-то небесное...

С раннего утра опять все на улице высыпали. Смотрели на небо, спорили. Одни говорили—антихрист, другие уверяли, что антихристу не разрешат, и

на землю упадет планида Марс и всех раздавит.

— Пойдем к Петьке, спросим—решат или не разрешат!

Петька был настоящий коммунист—в волсовете работал. Пошли—а его как раз дома нету.

— Часа в три обещал приехать...

— В три часа! Так-то и придет!

Пошли к учителю—человек ученый:

— Марс,—говорит, и на карту показывает:—вот этот кружок—Марс, а этот—земля...

— А это что—море что ли?—показывают мужики на голубую краску.

— Небо... Так пустота одна...

— Ну, оно и понятно, что на землю свалится... Небось, машина тяжелая?

На ребяташек никто не смотрел—они с утра волю взяли и бегали, как оглашенные. На огородах костры разводили, по крышам лазали, такое баловство пошло—не уймешь! Да никто и не унимал:

— Не до них!

Рис. Ив. Малютина.

В ПЕВЧЕСКОЙ СТУДИИ.

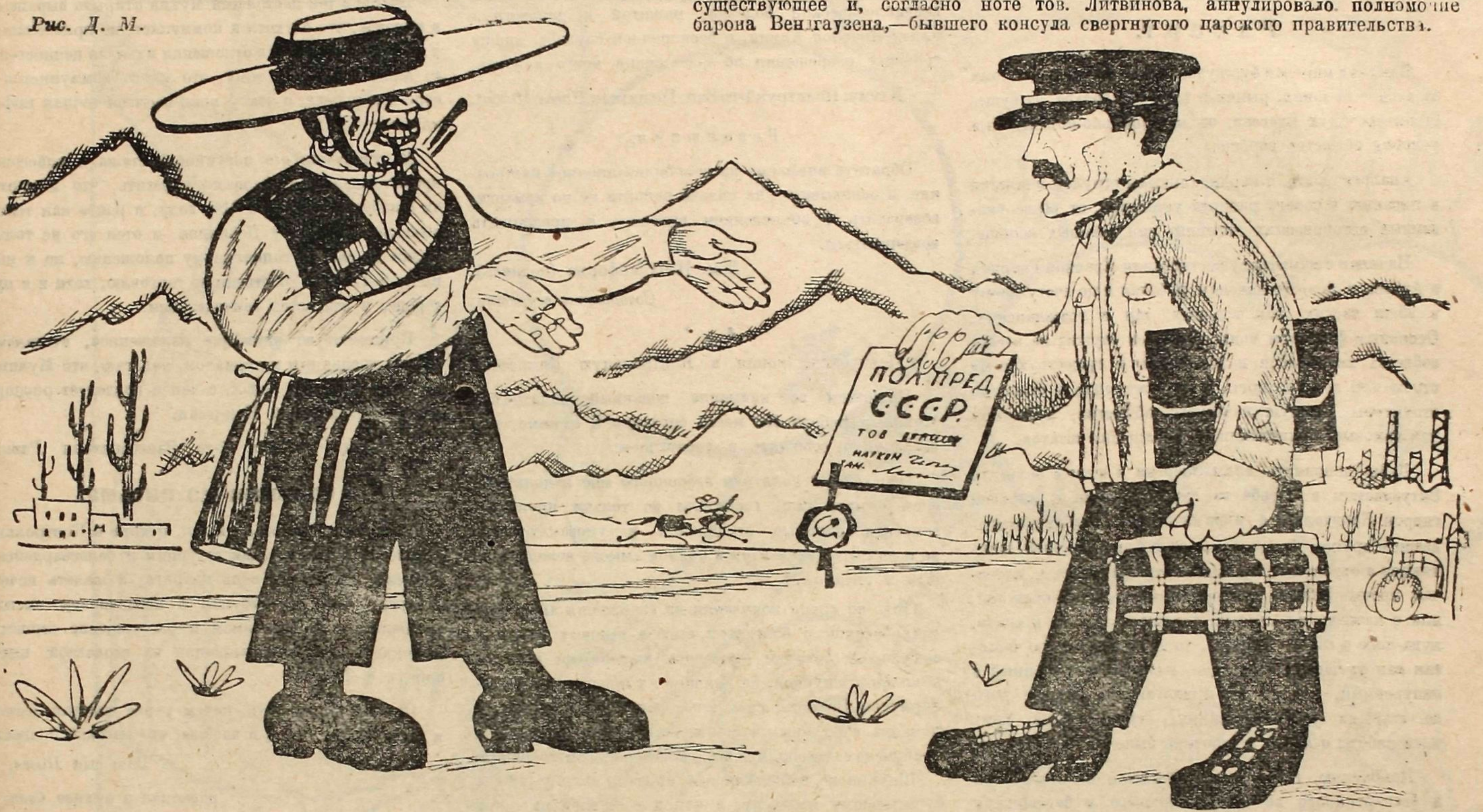
Человек с папиросой:—Ну, и голосина у тебя! Ты меня, брат, этой нотой, как Чичерин Герзона, накрыл.

Признательный мексиканец.

Мексика признало советское правительство, как правительство, законно существующее и, согласно ноте тов. Литвинова, аннулировало полномочие барона Вендгаузена,—бывшего консула свергнутого царского правительства.

Рис. Д. М.

Мексиканец:—А вы знаете, ваше лицо мне знакомо. Я вас признаю. Очень рад, очень! Мы, мексиканцы, всегда признательны нашим ближайшим друзьям.

К двум часам все собрались в одну кучу у ворот и ждали. Акулина вышла в новом саване. Парни смеялись:

— Чего разрядилась! Думаешь, антихрист на такую старую посмотрит! Тут девок сколько хошь!

— Батюшки-светы вы мои!—ревела баба.

— Чего ревешь?

— Платок новый... Ни разу не надевала—и пропал!.. Хоть напоследок бы нарядиться...

— Дура!

— Конечно, дура! Моя баба копила, копила сметану—а утром вынесла: кри-те! И сама и ребятишки теперь животом жалуются—об'елись...

— Оно и правда, —чего ж, ее оста-лять!..

— Всего с собой не унесешь!..

Два часа. Солнце. Пыль. Ожидание уже начинает утомлять.

Слышится разговоры:

— Спрашиваю—где Манька? А Мань-ка в огороде с Лешкой... Страму-то!

— Ничего, повенчаются...

— Да где ж теперь? Один грех, да и только.

— Нагресишь тут... Хоть бы по-скорее...

Смотрят на небо—на небе ни единого пятнышка. Послышался запах гари.

— Начинается!..

— Чего начинается?.. Это Сидоров сарай подожгли!..

— Ну, и пусть горит—не все ли одно?..

— Батюшки, помогите, горим!—кри-чал жиденький мужичек, бегая по толпе.

Никто не пошевелился. Зевали, кре-стили рот и говорили:

— Теперича скоро—и все сгорим...

— Туши сам, если хочешь...

Сидор бегал с ведром—но пожар раз-горался больше и больше.

— Небось, ребятишки подожгли!..

Сладу-то с ними нет!..

За воротами показалось облако пыли.

— Едет... Едет...

Все побежали к дороге. Низенькие стремились пробраться в первые ряды.

— Едет!

— Да кто едет-то?

— Конечно, антихрист—кому же еще?.. Сейчас кончимся...

— Какой там антихрист—это пла-нида катится...

— Все одно помирать!..

К воротам подъехала лошадь, и из телеги вылез Петька—коммунист.

— Чего вы тут! Не видите: пожар! Я лошадь загнал, как увидел!..

— А чего там пожар—теперь обче-е преставление!..

— Что?!

— Свету конец, вот что!..

Петька возмутился:

— Кто вам сказал что свету конец? А?! Я вам покажу свету конец! Ту-шить!..

Некоторые нехотя пошли за ведрами. Другие стояли неподвижно.

— Тушить! А не то

под суд! Всех под суд

отдам, если не пойдете!

Вся деревня сгорит—

смотрите уж другой

сарай занялся!

— Чего тушить-то,

раз все равно светопре-

ставление — говорили

упорные.

Петька разозлился:

— Я вам покажу светопре-ставление, так вас и так! Марш тушить! Марш! Потом поговорим—теперь некогда!

Мужики неохотно потянулись.

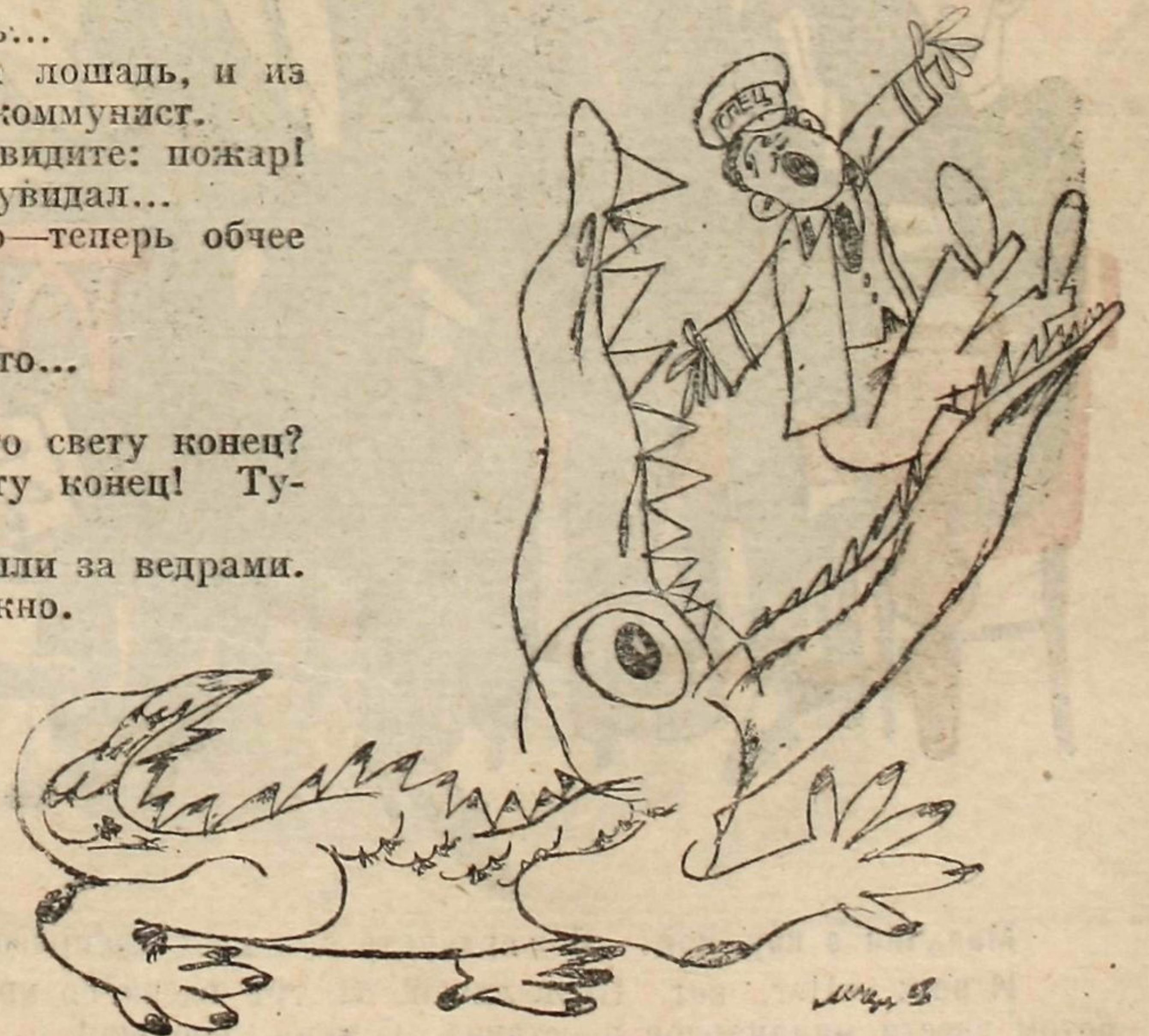
— А это что в саване выскочила!—закричал он на Акулину,—домой!

Улица постепенно пустела. Расхо-дившиеся мужики говорили:

— Ну, уж сегодня ничего не выйдет!.. Помешал!..

— Да разве эта коммуна позволит. И светопре-ставление поглядеть не да-дут! А ты—«антихрист»!

Матвей Кредит.

Неприятность.

Начальнику Политуправления Округа.

Рапорт.

В период мировой буржуазной борьбы империализма за раздел колоний, рынки и т. д. и в борьбе за существование двух классов, за материально-объективные условия общества вообще.

Аналогичность, и кардинальным стимулом является и писанию такого рапорта усталость, от выше указанных исторических явлений, как таковых вообще.

Начиная с момента существования Красной Гвардии и Армии, и до этого явления, работал я по счету моему в 25-ти частях, как военных, так и гражданских. Основным фактором моих переводов служит не неспособность психологии и идеологии к существующему строю или не халатность и не симуляция в строении структуры Коммунистического общества, а мотивы как таковые: ликвидации и сокращения штатов.

Дабы пополнить силы Энергии и идти с большим энтузиазмом в борьбе за существование с мировой гидрой Капитала и с гидрами вообще, с давно осмердевшим групом Феодализма, от миазмы каковой задыхаются и отравляются целые страны и рассы, заключал прошу Вашего распоряжения о демобилизации, или о назначении меня на должность ближе к семье, куда-либо в городе Тамбове, хотя-бы в строевую часть, так как от частых переводов, я сильно истощенный и изнуренный, и при сем прилагаю мое личное дело со старыми удостоверениями, откуда видна часть моей работы и какой я работник был.

Прибавляю: семья моя, состоящая из отца, хотя и беспартийного но принадлежащего к беднейшему

классу крестьянства, матери на склоне лет и остальной родни, нуждается по причине НЭП, хозяйственной разрухи и прочего саботажа, в моей административной и моральной помощи, а также благодаря моей гинекологической болезни, нажитой в доблестных рядах Красной Армии, и беспорочной службы, прошу срочного разрешения об исполнении моего рапорта.

К сему: Подполковник 1-го Зап. Госпиталя Павел Мухин.

Резолюция:

Обратить внимание на демобилизационное настроение, и основываясь на подаче рапорта не по команде, возратить с объявлением выговора и предложить воздержаться.

Зам. Начучинформа (подпись).

Совершенно секретно.

* * *

Начуогра, копия в Контрольную Комиссию.

Принимая во внимание поданный политруком Мухиным рапорт без моего согласия и помимо, мне необходимо сообщать о следующем:

Означенный политрук вверенного мне в политическом смысле Зап. госпиталя не только проявляет демобилизационные стремления и умозаключения, но и является элементом в полном смысле нежелательным и вредным.

Так, во время получения из снабжения американских ботинок, и благодаря выдаче таковых команде, означенные ботинки оказались лишеными полного комплекта шпурков, по причине их присвоения напестармусом Подовым совместно, как на то показывает команда, с Мухиным, о чем мною и начато дело в Рев. трибунале согласно Кодекса и классового самосознания.

Шпурки же, по подозрению, проданы какому-нибудь буржуазному мародеру, о чем и составлен акт, что

несовместимо с ответственным званием не только рядового коммуниста вообще, но и политрука в особенности.

Вместе с тем настоящий Мухин открыто выражался в команде, что он хотя и коммунист, но православный и женат церковно, а в отношении изъятия ценностей, — то лишь благодаря тому, что много коммунистов из евреев и прочее, о чем у меня имеется точная информация.

В отношении его партийного стажа и классового происхождения необходимо отметить, что в партию он ошибочно принят в 21-м году, и ранее как теперь выяснено служил у Деникина, и отец его не только кулак по своему социальному положению, но и ныне имеет в Тамбове собственную торговлю, хотя и в пригороде, и считается земледельцем.

Принимая во внимание изложенное, считаясь с ранее посланным материалом, полагаю, что Мухиным не место в наших рядах, о чем и последует распоряжение Контрольной Комиссии.

Врид. Военком 1-го Запгоспиталя Ратник.

Отрывок из письма.

...из коммунистов я вышел, и хотя в Контрольной Комиссии отмечено, как шкурник и белогвардейский элемент, но все это одна пинтига, и жалеть нечего. В среду был Ревтрибунал с назначением высылки на полгода, но принимая в рассмотрение амнистию и подходя под демобилизации на страстной неделе приеду в Тамбов.

Прошу подтвердить, почем у вас золотая десятка и стоит ли покупать, и вообще, что выгодно привезти.

Ваш сын Павел.

расконал в архиве Сван.

Высшая математика.

Рис. Из. Малютина.

Мальчик с кружкой: — Пожертвуйте в пользу беспризорных детей.

И рой: — Нет, нет. Проваливай. Я тут вчера во время игры рубль пожертвовал, так потом двести миллиардов проставил. С меня довольно!..

АЭРО-БЫТ.

(Картинка будущего).

Из села «Кривые Банюшки»
Фрол, спущивши рой стрекоз,
Вез на старом моноплане
Свеже-пахнущий навоз.

— Что-то мой мотор артачтиса,—

Фрол сорчал, — бодай-те кот!
Моноплан, что каракатица,
Еле монета ползет!

Сам виною, что и сказывать,—
Вот пропель скрипит опять:
Забываю все подмазывать,
Как с навозом вылетать...

Туч-то сколько! Эки лодыри,
Еродворники у нас:

Дрыгнут черти, чай, до одури,
А на небе — безобраз!

А, Гаврилыч! Ты откуда?
Что? Нью-Йорку розь отвез?
Ну, а я в Париже и в Чудово
Доставлять взялся навоз.

Слышал, чай? Степан из «Волига»
Проводил вчера жемчу:
Улетели Перепелы
За ситцами на луку.

С Марей сын-от мой с Никишкою
Анадысь приелал письмо:
Дело слажено с парнишкою —
Поступил там в Комсомол.

Ишь, Тепловы мчатся шариком!
Сдавши ночью продалог,
Всей семьей за самовариком.
Пьют на «Юнкерсе» чаек...

Едет Фрол, а дума-горюшко
Мозг мужичий стала есть:

— Хучь какой-нибудь «Ньюпо-ришко»

Ниче-б летом приобрести!

Красное Жало.

АГРОНОМИЧЕСКИЙ РАЙ НА ЗЕМЛЕ.

Рис. Д. Моора.

Среди работ русских и даже мировых садоводов ярко выступают блестящие начинания профессора И. В. Мичурина, задача которого путем скрещивания получить новые сорта плодов. Это русский Бергманн. Мичуринская вишня хорошо известна в Америке. В России об опытах И. В. Мичурина мало кто знает.

Из газет.

„Ничто нам рай не наладит —
Ни бог, ни царь и ни герой!“

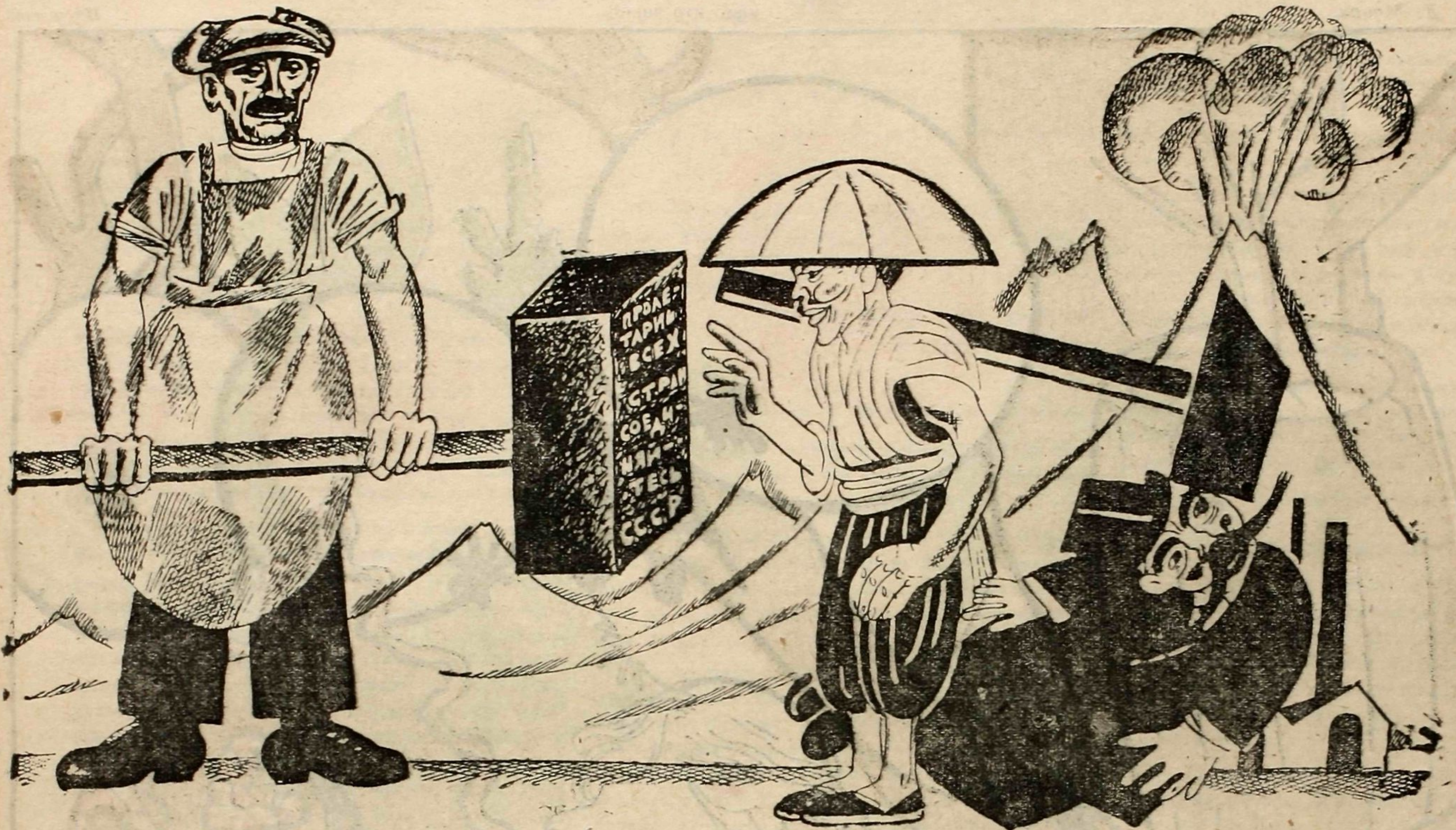
Нам агроном его насадит
Своею опытной рукой!“

Рабочая грамота,

Рис. Д. М.

В Японии прошла волна больших стачек, которые нанесли большой убыток капиталистам. Японские рабочие прислушиваются к раскатам рабочей борьбы на Западе и часто бросают работы с пением „Интернационала“.
Из газет.

ЯПОНСКИЙ РАБОЧИЙ:— Брошу пока молот. Посмотрю, что мне показывают европейские товарищи.

Пьеса рабочего Лямина.

Рабочий Лямин написал пьесу. Четыре месяца сидел и писал, над каждым явлением ночами мучился. Напишет, бывало, прочтет, перечеркнет все и по-иному делает. Жену, ту в конец извел. И от работы на заводе отбился, и жить не на что.

Уж на что женщина мирная была, и та вилить начала.

— Бросил-бы, Петя, писанье это никчемное. Шел бы в кооператив служить. Вишь, как у тебя по письменной части не идет.

А тесть и разговаривать перестал. И в гости не ходит.

Написал Лямин драму, закончил, упросил машинистку в конторе перепечатать, вздохнул.

Хорошая вышла пьеса, понятная. Поставили ее в клубе заводском, а прошел спектакль—во всю захвалили Лямина.

— Ишь-ты — удивлялись товарищи: Петька-то Лямин,—того, а ведь за душу во как берет.

Поправилась, словом, драма, посоветовали Лямину в Москву ее отвезти. Авось, и выйдет чего-нибудь.

Поехал Лямин, остановился у приятеля давнишнего, узнал, что и как, принес пьесу в Малый театр. Хорошо встретили Лямина, зря было б жаловаться.

Обрадовались даже.

— Простой рабочий и пьесу целую написал.

А розовый какой-то с бородой седелькой прямо спросил:

— Вы, что же, неужели от станка?

— Да нет—удивился Лямин: станки-то где, а я уж полгода пером орудую...

Ну, вот. Пожали тепло руку ляминскую, попросили через неделю зайти. Пришел Лямин, не застал. Второй раз зашел, а там—извиняются. Не успели прочесть.

Однако, дождался своего Лямин, пришел, говорит тот же:

— Как же, прочел. С удовольствием читал, знаете. Хорошая у вас драма. Даже и не верится, как-то, что прямо от станка и вдруг такую драму отличную...

Обрадовался Лямин, спрашивает:

— А что же, поставите у себя.

— Что вы—замаялся тот,—не можем мы пьесы вашей поставить, если она не напечатана. Сходите в Госиздат. Примут только, сейчас же постановкой займемся.

Взял Лямин рукопись, пошел в Госиздат. Конечно, не сразу дошел, а все-таки прочли драму и отзыв похвальный дали.

Смутился от похвалы Лямин, покраснел.

Спросил все же:

— Стало-быть, примите. Издадите, значит?

А на него руками замахали.

— Как так. Полноте! Вот примут у вас к постановке ее, мы и напечатает. А так, сами судите, можем ли мы непринятую театром драму издать... Вот в Малый Театр сходите, там и договоритесь. А мы... мы-то всегда с удовольствием. Особенно, если руки мозолистые и вдруг драматург настоящий.

Захватил рукопись Лямин, ушел во-своей. Решил по другим издательствам походить.

Забрел в кое-какое.

Опять все-то же. Узнали, что с завода такого-то, чуть не обняли:

— Металлист... Производство... Рабочее творчество...

Слов теплых наговорили, деться некуда. А дошло до драмы:

— Извините. Вот вы бы нам с приключениями дали что-нибудь, а драму... куда ж ее нам.

С месяц еще проходил по Москве Лямин, во всех редакциях побывал и везде:

— Жу-жу-жу... Рабочий талант... Самородок... Октябрь и прочее...

А драма ни с места.

Плюнул Лямин, пошел на вокзал, на завод ехать.

Сел только в вагон, в газету уткнулся, а там:

— Шире дорогу рабочему творчеству... Гниль буржуазного репертуара... Революционизирование театра и прочее и прочее...

Побагровел Лямин от злости, выкинул рукопись под колеса.

Сезн.

Возрождение адвоката.

Я украсил портфель монограммой,
В кабинете поставил дискан,
И без страха с шикарной дамой
Отправляюсь сегодня в шантан.

Адвокат... ну, так что, если красный?
Нет губ'юстов и нет ордеров...
Лишь за некую суть златогласную
Выступать на суде я готов.

Не страшны мне теперь Трибуналы!
Я не взятку беру—гонорар,
И брильянты, валюту, кораллы
Я приемлю бестрепетно в дар.

На дверях я у входа в квартиру
Утвердил из эмали плакат,
И на нем вразумительно миру
Возвестил: «здесь живет адвокат».

Я отбросил решительно фронду—
От Лубянки спаси меня бог,—
И взяв советские фонды,
Я вношу прелюбно налог.

Как давнишний поклонник советов,
Я совдепам воистину рад,
И да будут им многая лета,
Раз опять я... опять адвокат...

Павел Градский.

ЖИВЫЕ СИЛЫ.

Берлин. У шикарного под'езда стоят автомобили. На «своем двоим» густо подходят российские беженцы: адвокаты, врачи, бывшие помещики, генералы от инфантерии, генералы от кавалерии, штаб-офицера, просто офицера и все вздыхающие, тайно мечтающие о востановлении державы российской.

Зал. Большой стол под зеленым сукном. Яркий электрический свет. За столом—председатель. Резкий звонок.

— Господа! Наше очередное смешанное собрание, состоящее из явных и тайных монархистов, считаю открытым. Слово предоставляется господину Биккерману.

— Господа российские беженцы, любящие родину, престол и церковь православную! По моему глубокому убеждению дурака вальг нам нечего. Уже сколько лет и долгих месяцев прошло с тех пор, как мы покинули столицы государства российского? Кому из вас не снится Москва белокаменная?

С мест закричали:

— Всем!

— Кто из вас не видит императора, въезжающего в Россию на белом коне?

С мест закричали:

— Все видим!

— Я знаю, господа, стремления русской эмиграции, но для того, чтобы мечты наши превратились в действительность, нужно нам действовать организованно, а для этого, господа, я предлагаю объединить все живые силы на общую борьбу с русскими большевиками—крестьянами и рабочими.

Старенький генерал от инфантерии с перевязанной щекой наклонился к своему соседу генералу от кавалерии с одним погоном на плече, с благоговением сказал:

— Ваше превосходительство, я вижу Москву!..

— Молчите, я вижу Петербург!

— Стойте, стойте, я вижу еще что то такое. Виноват, я пока ничего не вижу... О чем говорит оратор?

— О живых силах...

Генерал от инфантерии грустно пощупал перевязанную щеку.

— О живых? Это очень неприятно!..

После Биккермана выступил штабс-капитан Мордашкин.

— Господа, от имени военной группы, честно

служившей государю императору, заявляю: по скольку вопрос касается живых сил, необходимо сейчас же назначить комиссию для регистрации таковых, ибо вопрос этот чрезвычайной важности и нам необходимо иметь конкретное представление...

— К чему такой бюрократизм? Мы все живые!..

Генерал от инфантерии пожал плечами.

— Я, право, не знаю: будто я живой и будто мертвый.

Вышел генерал—лейтенант с трясущимися губами, громко прошамкал:

— Господа, если вы сомневаетесь в том, что я живой, я протестую. Я тридцать лет служил верой и правдой русскому престолу и теперь желаю получить сухопутное командование над вооруженными силами.. я... кха...

Насмешник.

„ДОБРЫЕ ЛЮДИ“.

В найденной записной книжке оказались следующие заметки:

«Захожу в какой-то Гострест, судя по цепочкам и подбородкам директоров,—весьма солидный.

— Пожертвуйте беспризорным детям.

— Гм, — отвечает бас.—А вы не знаете, что нам с частными посредниками иметь дело воспрещено? От нас хотят законности, — извольте! Представьте удостоверение, что ваши беспризорные дети — государственные дети или, по крайней мере, хотя бы кооперативные—тогда другой вопрос, тогда и сделка возможна. Под нас не подколаешься, молодой человек! Всего хорошего.

Советское учреждение. К «самому» не пустили. Пол-дня искал секретаря. Нашел.

— Пожертвуйте беспризорным детям.

Секретрь, очевидно, был завален делами и потому спешил.

— Во-первых, — говорит он, — изложите это письменно и подайте завтра в 11 на мое имя. Я в среду доложу зампреду, в четверг будет сам пред, в пятницу он позвонит члену коллегии, в понедельник ваше ходатайство будет рассмотрено в президиуме, в среду мы направим дело к управделу завнаркома, оттуда оно в пятницу поступит в 61-й тдело Наркомсобеда, который наведет справки в Госплане и при благоприятных результатах, если не опротестует Рабкрин, даст нам инструкцию и мы сейчас же беззамедлительно... май... июнь... ну, да, заходите ко мне в начале июля... Извините, я очень занят. Всего хорошего.

Пока он говорил, курьеры успели собрать между собой значительную сумму и опустили ее мою кружку.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Рис. Д. Мелликова.

Попадаю в квартиру по виду заматочной интеллигентскую. Все совкуссим. Хозяйка оборотливая или, по крайней мере, считает себя таковой.

— Садитесь, мосье товарищ, пожалуйста. Вы знаете, я хотя и жена бывшего присяжного поверенного, но скажу вам по секрету: я в детской области вполне разделяю, что наши дети—это и есть цветы земли. Так, кажется, сказал в своем декрете Совнарком Луначарский.

— Извините. Пожертвуйте беспризорным детям...

— Да, да, вы знаете, мосье товарищ,—беспризорные дети—это мое больное место. Да вот, чего же лучше—трагический случай с моим Жоржинькой. У него и гувернантка, и две бонны и нянька, а он, может ли себе представить, беспризорен до ужаса. Представьте себе мое состояние. На этих днях Жоржинька чуть-чуть не обделся пирожными. Вот вам и призор. Конечно, после этого случая, необходимо обратить на беспризорных детей самое серьезное внимание. Я вам очень, очень благодарна за это.

— Извиняюсь, вы чтонибудь пож..

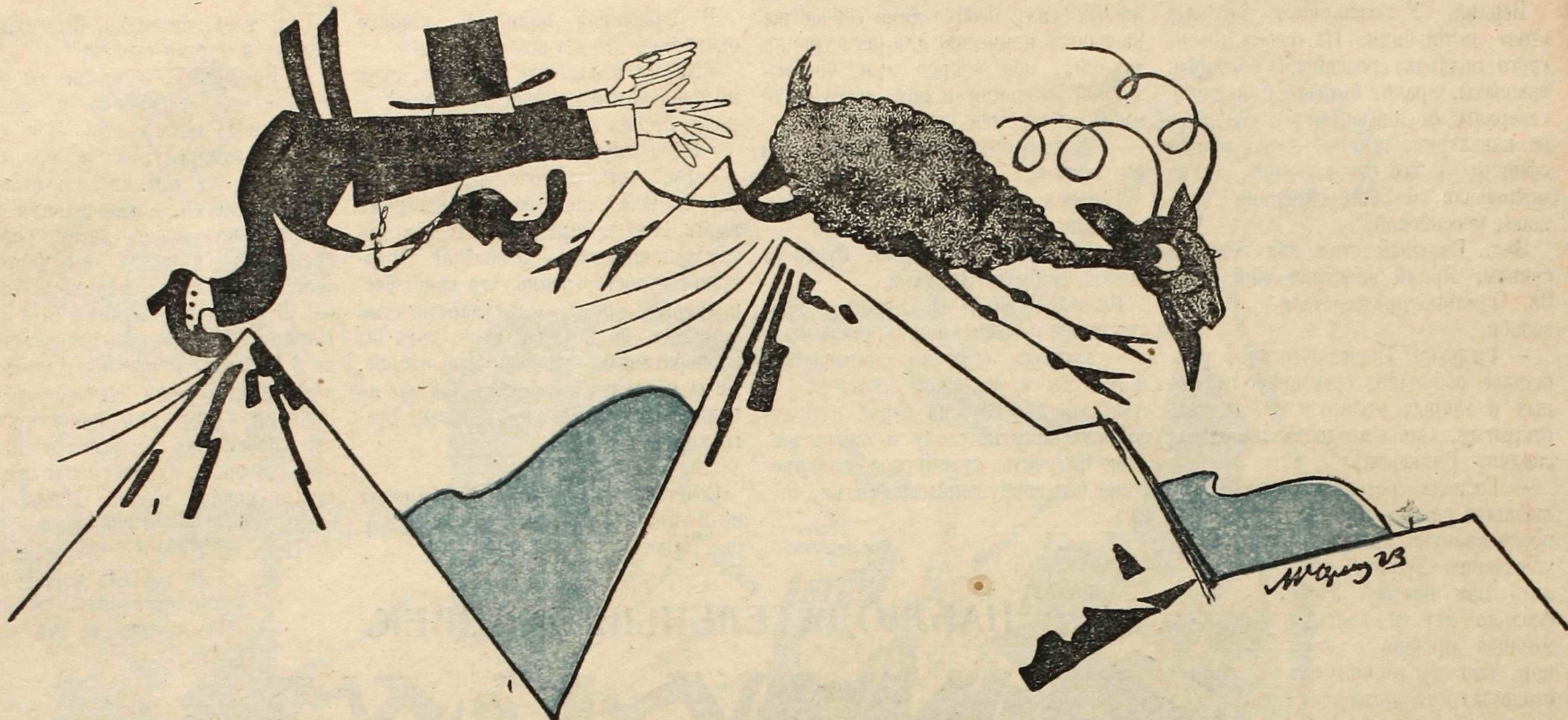
— Да, да, конечно,—на такие цели... вечером придет муж и мы посоветуемся...

П. Ашваский.

Гардинг: — Посижу у моря,
Подожду погоды:

На кого пущу я
Подводные лодки...

КАПИТАЛ:—Козочка! Поймай! Дай тебя хет разок педенты!
КОЗЕЛ:— Вот дуран! Жди от ангорского козла молока!

Горе от ума.

«На каждого рабочего приказано выдавать:
 0,83 пары обуви,
 3,92 пары портянок,
 1,65 штук брюк,
 0,82 очков.

(Из письма в «Раб. газету» с тверской мануфактуры).

— Что-то немножко непонятно... — почесал в затылке один из читавших циркуляр.—Если по 83 пары обуви, то...как будто много...Нешто по столько дадут? Что нам, торговать что-ли лю?.. А портянок—так еще чуднее: 392 пары!.. Что я—сороконожка то ль какая?..

— Да не 392!.. Чудак-человек!.. — поправил другой.—Видишь тут—заячья препинация... Надо читать: три и девяносто две сотых!..

— Чего—сотых?—не поняли окружающие.

— Чего... Портянки!..

— Что-то непонятно... Это что же—на части разрезать их придется?..

— Ну, портянки еще разрежешь, а вот обувь-то как? «83 сотых»... Это как же понять?.. Один штиблет цельный, а другой без подметки что ль?.. Или оба без каблучков?..

— А брюки?.. Это что-же значит? Одни целые, а от других—одна штанина с маленькой надбавкой... ну, вроде штрипки?..

— А самое интересное: на кой черт мне «82 сотых» очков, когда я и так хорошо вижу? Да мне ни одной сотой не нужно!

Недоуменные вопросы сыпались градом...

Но положительного разъяснения никто не мог дать. Наконец, кто-то заметил, что в циркуляре содержалось и «разъяснение»...

— Ага! Давайте-ка прочтем!..

Сейчас все разберется...

— «Сметные количества каждого предмета... получают умножением штатного количества на число ком-

плектов по нормам»... Ого! Мудрено написано!..

— Как?.. Ну, штатное количество, это—ты, например... Умножаешься на число портянок... Понял?

— Не особенно... Ну-ка, читай дальше!..

— ...«в год»»—продолжал чтец,— и еще раз умножаемому... Понимаешь? Еще раз тебя на портянки помножить!.. Ай, нет,

позволь... не на портянки, а «на ко-эффи-ци-ент»... Что за черт!

— А ты читай дальше-то! Там, может, есть об этом...

— Посмотрим... Да, есть... «предусматривающий особый фонд расширения штатов, непредвиденными расходами!...»

— Гм... по ихней арифметике я должен, значит, так ходить: полтора брюк, две штанины на ногах, а третья

так болтается; одна нога завернута в две портянки, а другая—в две без восьми сотых: сверх них штиблеты, без подметок и каблучков, а один даже и без ушков; а на носу—пепсне, одно стекло цельное, а от другого—пемножко больше половины.

В это время прислали поправку к циркуляру: число очков исправить на :0, 817(6)»...

Ф. Благоев.

Рис. Д. М.

КАПИТАЛ-ПУГАЛО (картинка будущего).

ЗАЯЦ: Говорят, это чучело наводило когда-то страх даже на людей.

ВНИЗ ПО МАТУШКЕ ПО ВОЛГЕ.

Народный комиссариат путей сообщения предполагает в этом году широко использовать для агрономической пропаганды речное пароходство. (Из газет).

Рис. Д. Моора.

В. МОРА.

— Не пойму я что-то, Матвейч,—это ведь из комиссариата путей-сообщений нам книжки везут? Что же, разве комиссариаты просвещения и земледелия на другую работу перешли?

(Будущие вспоминавая старого комсомольца).

«В старину жилали деды
Веселей своих внучат».

— Да... Хорошие были времена, хоть порой и трудно приходилось. А какие были парнишки! Какие были дела!

— Расскажи, товарищ-дедушка! Расскажи!

— Да что рассказывать, всего не расскажешь.

— Ну хоть что-нибудь.

— Ну, вот, например, боролись мы с религиозными предрассудками... С попами разными...

— А что такое религиозный предрассудок?

— Ну, вот, так и знал! Теперь этого нет. Это—когда человек дает себя дурачить и за это деньги платит.

— Кому?

— А вот этим самым попам. Такое длинноволосое было племя. Впрочем, были и стриженные, с пробритыми затылками, в пестрых одежках... Разные были.

— Как же вы с ними боролись? С самолетов? Воздушными батареями?

— Э, брат, куда хватил! Это бы легко,—у нас тогда воздушных батарей не было. Боролись мы с ними идеологически: убеждали, агитировали.

— Да что-ж тут агитировать? Все ясно.

— Вам ясно теперь, а тогда дураков было много. Я сам, прежде чем в комсомол попал, очень этим попам верил.

— Товарищ-дедушка! Ты все рассказывал про борьбу да войны,—а ты веселое что-нибудь расскажи.

— Да это самое веселое и есть. Мы в борьбе были веселы... Вот, помню еще, как мы шефство брали над флотом. Загорелись наши парни, тучей полетели в школы флотские. Потом—смотрим, проходит месяц, другой—бегут многие обратно. Оказалось: не выдержали. Трудная это штука—флот! Я шесть лет там промаялся.

— Что же тут трудно? Сел, рычаг повернул и лети!

— Да я про морской флот говорю. Видали, чай, в музее катер? Вот у нас такие были... А всего лучше были наши комсомольские праздники. Эх, и весело же было! Даже сейчас, как вспомню, лет на двадцать молодею. «Комсомольское рождество», «Первое мая». Эх! Ведь, мы были зачинателями. Вы теперь первое мая празднуете, как будто этот праздник тысячу лет такой был. А, ведь, мы его устраивали впервые. Помню: было это, кажется, в 1923-м году. Готовился я к карнавалу. Нужно было мне изображать сапожника, который бьет своего подручного. В инструкции сказано: «Сапожник бьет своего подручного в течение всего карнавала», а карнавал продолжался 5—6 часов. Вот была запарка! От инструкции отступить нельзя—а рука устала. Уж я товарищей просил, чтобы они вместо меня рукой махали. Потом неделю целую рукой повернуть не мог... Об этом тогда еще в «Юном Коммунисте» писали, журнал у нас был такой. Я и сам там иногда стишки пописывал. В центральной воздушной библиотеке при Дворце Труда, наверно, найдете этот журнальчик. Почитайте, занятно...

— Рой, копей до дна,— все цена одна. Прошу немного: четвертак с налогом, двадцать без налога. Хватай, налетай, с пылу, с жару, три гривны за пару. Двадцать с вилкой, полтинник с бутылкой, выбивай пробку, наливай стопку...

— Товарищ - дедушка! А ваш центральный комитет тогда так и был в Большом Стеклянном Здании?

— Эва, хватили! Тогда и здания-то этого не было! На Воздвиженке мы были. В Москве. Там, где сейчас Палата Искусств. Там и Ц. К. партии был, и мы. Бывало, целыми днями снуют по Воздвиженке парнишки. Серые тогда такие пальто в ходу были—и, как поглядяшь, сразу узнаешь: свой, комсомолец... Ну, летите теперь скорей в партию, —а то опоздаете. Да и мне некогда—надо в Сибирь распоряжение дать, чтобы тучи там разогнали, а то все посева испортишь. Заболтался я с вами. Какнибудь еще расскажу...

В. Нумач.

БЫТ.

Трамвай, набитый миллионерами,—
Арена внеклассовой борьбы.
Кондуктор, бранясь с «браконьерами»,
Вагон задержал у Трубы.
В миг на крики толпа сползается—
Десятки воскресных зевак.
Несудачное место, граждане-зайцы,
На рынке столько гонимых собак!
Но люди за зайцев? Кондуктор огрызается
—«Пожалели советский пятак!»
—«Кондуктор! Пускайте вагон... Безобразия!»
Вскипают «билеты». А между тем
Два джентльмена «экспроприируют буржуазию»
По одной из самых радикальных систем.

2.

Некое учреждение. На полу окурки.
Рядом с Лениным надпись: «Курить воспрещено!»
Гражданин управляющий в кожаной куртке
Мрачным взором уставился в смежное окно.
—И нужно же было... позарился на крошки...
Шевелятся мысли, тяжёлые, как пресс-папье.
—Семьи не пожалели, м-мерзавцы пройдохи...
Все равно придется сидеть на одной скамье...
За стеной машинистка «сокращает штаты»,
Горошком выстукивает новенький Ундервуд.
Трепещет телефон. Секретарь лохматый
Недовольно откладывает «Рабочую Москву».
В полутемной прихожей нетерпимо жарко.
Но товарищ швейцар недаром сибиряк—
С утра до вечера набивает «пролетарку»
Запыленными кипами входящих бумаг...

3.

«По вечерам над ресторанами»
Все ярким светом залито.
К подъездам, с напманами пьяными,
Спешать нарядные авто.
Шантан. Под шум бравурной музыки,
Под смех полураздетых «звезд»,
Московские тузы и тузики
Наверстывают долгий пост.
На сцене—«звезда»—синьора Люция,
В пунцовый шляпе, метра в два,
(Завоеванье Революции!)—
Картавит пошлые слова...
Шальной мотив летит над залом
В ажур причесок и чулок.
И вновь лакей рукой усталого
Пускает пробки в потолок.

В. Стариков.

Страница читателя.

Пиши, да не записывайся!

Труд

ЕДИНСТВЕННАЯ ГАЗЕТА
ОСЕРЛОС. ЦЕНТР. СОВЕТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
СОЮЗОВ.

№ 97

Суббота, 6-го мая 1928 года

Год издания 3-й

Специальный номер, выпущенный редакцией «Труда» совместно с Моск. бюро работников печати.

ДЕНЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ—ЭТО ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО народа, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЗЫ, связывающие отдельного человека с государством и целым миром, ДУХОВНОЕ ЗЕРКАЛО, в котором народ видит себя самого, — а ведь самосозерцание — первое условие мудрости, — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДУХ, который разносится по всем жилам и который дешевле материального газа, ВЛВАЛЬНЫЙ МИР, который непрерывно вытекает из действительного мира и, обогащаясь, вливается в него обратно новой животворящей струей.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ

ПЕЧАТЬ

ВЕСТИК
ТРУДА

ТРУД

МЕТАЛЛ

Трудовой
ДОН
ЮЖНЫЙ
ГУДОК

Профсоюз

Примечание „Крокодила“: Вот, что может случиться, когда лозунги пишутся М. Б. совместно и очевидно вод нагнем какого либо „материального газа“.

Богбоязненный начшколы.

Пример исключительной богобоязненности—Начальник 1-й Военной школы летчиков на Каче близ Севастополя.

Надо было поехать секретарю на собрание секретарей ячеек—начальник заявил, что нет бензина, по несмотря на это 7 апреля вечером отправили верующих на двух автомобилях святить Пасхи и к всенощной гуда же в Севастополь—бензину для этой цели оказалось достаточно, хотя известно, что бензину не поступало.

Ясно—для господ бога бензин всегда найдется—не то что для каких то там ком'ячек! Призовут нашего начшколы на страшный суд:

— В чем грешен?

— У безбожных большевиков служил, красную звезду носил, в пост скоромное ел — не пропадать же байку...

И потянут грехи его прямо в геенну огненную—тут он и скажет:

— Верующих на автомобиле к пасхальной заутрене перевозил и бензинчик для этой цели припрятал...

Положат бензин на весы—и сразу гирька с начшколы вверх полетит и душа его в рай...

Крокодил полагает, что если этого богобоязненного война притянуть в трибунал, то он еще вернее спасется, приняв за веру свою мученический крест.

с. т.

Непманы — рабочим Рура.

Непманы—рабочим Рура.

Царицынские биржевики, решив не отставать от времени, устроили вечер в пользу рурских рабочих. Присутство-

вало 100 человек—представители хозорганов и частной торговли были прочитаны доклады об истории биржи и после него—концертное отделение.

Вечер дал чистой прибыли свыше... с т а «лимонов!»

Купецкая натура — широкая натура, это издавна известно. Рур? Пожертвовать? — Положим животы на алтарь коммунистического отечества! Заложим жен и детей!—(вещи большей рыночной стоимости не закладываются) и отвалим — шутка ли—м и л л и о и!

А на другой день после такого самопожертвования, наверное, рассуждали:

— Зачем это? Ну, да что уж делать... Где наша конейка не пропадала!

Товарищ крокодил!

В начале 1921 года товарищ председателя Спас-Деменского Уездисполкома, Калужской губернии «коммунист» Яков Потанов вздумал жениться и для крепости брачных уз обвенчался в церкви, а чтобы меньше было разговоров заехал подальше от города в с. Калугово своего же уезда. Но, несмотря на предосторожности, Уком партии об этом узнал и дал делу ход. Но до сих пор дело еще не разобрано. А он лишь больше распускается: родился сын—взял его да и окрестил, на это совсем не обратили внимания: незаметное явление. Поны в кулаки радуются: первым доход, вторым—утешение: «вот и «коммунисты» начинают верить в бога».

Зрячий,

Изъяснение «рабочим» языком.

(Заимствовано из речей на заседании одной рабочей организации в Юзовке).

Доклад.

За скудостью дотации,
Индустрия в прострации.
Нужны: стабилизации,
А после—девальвации.

Практические предложения.

Для сей перетурбации,
В целях организации,
Пойти бы по градации
К строжайшей концентрации.
Не вредны: калькуляции;
Простор—амортизации;
Кредит—кооперации;
Изгнать—спекуляции.

Постановления.

Без лишней аффектации,
Для блага федерации,
Сии манипуляции
Подвергнуть апробации.

Авторское мнение.

За эти: «аци»—«аци»,
Совсем пустяк—потации,
Нужны тут апелляции
К «прямой» жестикуляции.

М.Шатер.

Эх, строгонько!

Гражданину деревни Лешова, Д. Сергееву (гармонисту).

Предписывается вам завтра к 8 часам вечера в пятницу 19 февраля 1920 года прибыть в село Красное в Нар-Дом с баяном для проведения танцевального вечера, за неисполнение сего предписания вы будете арестованы и отправлены в распоряжение Комитета уездной партии коммунистов.

Представитель Уездкома
(подпись).

Не угодили.

На одном из областных съездов, секретарь Обкома Р. К. П. Лурье говорил речь о международном положении.

Вкратце эта речь была помещена в местной газете.

Лурье не понравилось, что его речь сократили.

— Это еще что?

Редакция струсила.

Всдь, Лурье—секретарь Обкома.

— ... А-а. Конфисковать номер!

Номер газеты (105) был конфискован. За этим же номером вышла газета с наиболее подробными деталями речи Лурье... им самим написанной.

— Нигде так не могут щеголять, как в Краснококшайске.

Нонов.

Крокодил ждет опровержения.

Почтовый ящик.

Витебск.—Б. Злотину. «БЭ-ЗЭ»—мой псевдоним. На самом деле я ныне красноармеец Хозкоманды. Как честный красноармеец, в деп. знаках нуждаюсь. Остаюсь с беспартийным, но искренним приветом.

Препроводительное к вашим стихам письмо много их лучше, а потому его и печатаем. Стихи не бросили в корзину.

Торжок.—Н. Подгурскому. «Если нет, то черкни пару словечек в почтовом ящике».

Черкнули.

Омск.—Приуральцу. Присланное используем.

Тула.—В.У. «Еще одна просьба, если можно писать подобно этой статье, то ответьте».

Можно, но зачем-же на конверте писать: «Москва, Нарком здрав, «Крокодилу»? Письмо дошло, но очталюм зря мучился.

Уфа.—И.Ву. «Первое мая, день п, элетарский,

Великий день, день не царский
Не буржуазный, ни монархический,

А подлинный коммунистический...

Крокодил продолжает: «Не октябрьский и декабрьский, Не осенний и не зимний день...»

Рязовский завод.—Федорову. «Не откажите сообщить взаимоотношения редакции с корреспондентами».

Гм... Разно бывает. С вами очевидно не наладятся.

Редакция „КРОКОДИЛА“ просит
высылать ей все выходящие в
С. С. С. Р. сатирические издания.

Редактор—Ред. Коллегия.

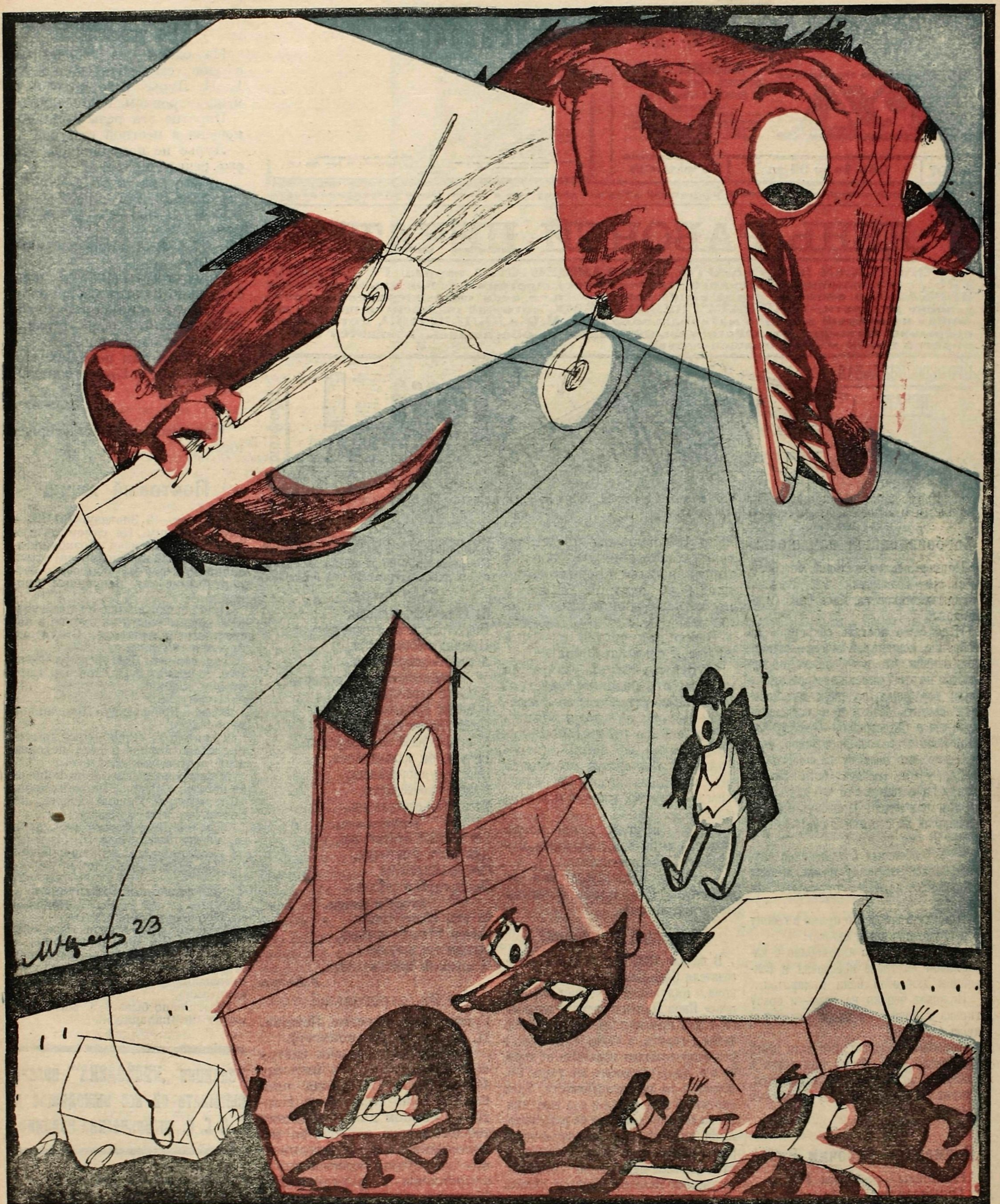
Издание „Рабочей Газеты“.

МОСКВА, Охотный ряд.

Эта картинка стоит тут не зря.

Рис. Мих. Черемух.

Читатель (глядя на этот рисунок):—Ну! Опять крокодил нечаяй ловит! А почему с аэроплана?

Крокодил:—Потому что аэроплан нужен.

Читатель:—Нечаяй ловить?

Крокодил:—И нечаяй ловить, и врагов бить. Воздушному флоту аэропл и «Крокодил» нужен. А на аэроплан—деньги нужны. Ты послал? Если послал, так товарищей попроси, чтобы они не мешкали.